

НИНА СЕМЕНОВА

 <http://orcid.org/0000-0002-8433-8396>
Тверской государственный университет
Кафедра истории и теории литературы
170002 Тверь
Проспект Чайковского, 70
ninasemenova@yandex.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИТЕРАТИВА В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА

THE FUNCTIONING OF THE ITERATIVE IN ANTON CHEKHOV'S STORIES

В статье излагается гипотеза об увеличении доли итеративного повествования как следствии редукции события в поздних рассказах А. П. Чехова. Представлены соотношения сингулятива и итератива в рассказе *Володя большой и Володя маленький*. Рассматриваются лексические индикаторы итератива, что позволяет произвести реконструкцию события в логике движения от глубинного, словесного, уровня к «поверхностным» структурам.

Ключевые слова: итератив, сингулятив, событие, А. П. Чехов, *Володя большой и Володя маленький*.

The article presents the hypothesis that in Chekhov's late stories the increasing share of iterative storytelling is a consequence of the reduction of eventfulness. The relations between the singular and the iterative in the story "The Two Volodyas" are presented. Lexical markers of the iterative are considered, which makes it possible to reconstruct the event in the logic of movement from the deep, verbal, level to the "surface" structures.

Keywords: iterative, singulative, event, Anton Chekhov, "The Two Volodyas".

Ослабление событийности в рассказах А. П. Чехова разные исследователи объясняют невыделенностью события из полного случайностей жизненного потока¹; «общим чеховским мироощущением, в частности ощущением безвыходности большинства жизненных ситуаций, находящихся в тисках застойности быта и социальной неподвижности»². Чисто гипотетически

¹ А. П. Чудаков, *Поэтика Чехова*, Москва: Наука 1971, с. 146, 163, 165, 167 и др.

² Е. М. Мелетинский, *Историческая поэтика новеллы*, Москва: Наука 1990, с. 242.

можно предположить, что редукция события должна получить отражение в возрастании роли итератива в коротких чеховских текстах.

В литературном и бытовом дискурсе повторяемость передается итеративом. При этом само понятие «итератив» в нарратологии и лингвистике трактуется по-разному. В коллективной монографии *Типология итеративных конструкций* авторы сосредоточены на том, как категория множественности ситуаций передается грамматическими средствами³.

В качестве особой повествовательной техники определяет итератив Ж. Женетт в работе *Повествовательный дискурс*. Соотнося событие с языком, Женетт рассматривает, с одной стороны, повторение излагаемых событий, а с другой – повторение нарративных высказываний. Четыре типа отношений повторяемости отражены в «псевдоматематических формулах», где **П** значит произошло, **И** – изображено.

1П/1И – «повествование может излагать один раз то, что произошло один раз»⁴. Такую форму повествования Женетт считает самой распространенной. **nП/nИ** – «излагать n раз то, что произошло n раз» – также характеризуется равенством повторений с двух сторон⁵. Оба эти случая представляют сингулятивный тип повествования. **nП/1И** – итератив: «излагать один единственный раз (или скорее за один единственный раз) то, что произошло n раз». Повествование «прибегнет здесь к какой-либо силлептической формулировке, например: “все эти дни”, или “всю неделю”, или “ежедневно на этой неделе он ложился спать рано»»⁶. Повторный тип **1П/nИ** – «излагать n раз то, что произошло один раз» – Женеттом не рассматривается как не имеющий никакой литературной значимости⁷.

Сравнивая традиционное повествование и прозу модернизма, Женетт отмечает, что в классическом романе доля итератива менее 10%, хотя у Флобера она значительно выше. В романе М. Пруста *В поисках утраченного времени* итератив всегда преобладает: 115 страниц итератива против 70 сингулятива в *Комбре*; 91 против 103 в *Любви Свана*; 145 против 113 в *Жильберте*⁸. В своих подсчетах Женетт исходит из количества страниц.

Мы использовали ту же методику, определяя процент итератива в чеховских рассказах по числу знаков. Полученные результаты свидетельствуют о том, что разброс очень велик: *Невеста* – 2% итератива; *Володя большой*

³ *Типология итеративных конструкций*, Ленинград: Наука, Ленинградское отделение 1989.

⁴ Ж. Женетт, *Повествовательный дискурс*, [в:] он же, *Работы по поэтике. Фигуры*, Москва: издательство имени Сабашниковых 1998, т. 2, с. 145.

⁵ Там же, с. 142.

⁶ Там же, с. 143.

⁷ Там же, с. 142.

⁸ Там же, с. 145.

и *Володя маленький* – 10%; *Попрыгунья* – 14%; *Человек в футляре* – 23%; *Скрипка Ротшильда* – 27%, *Скучная история* – 50%; *Душечка* – 63%. Эти цифры по отношению к текстам, выбранным в достаточной мере произвольно, позволяют увидеть, что, хотя показатель итератива в поздний период творчества Чехова возрастает, эта закономерность далеко не абсолютна. В то же время очевидно, что во всех названных новеллах итератив функционирует по-разному.

Вопрос о наличии полноценного события В. Шмид соотносит с тем, имеет ли место «изменение жизненной ситуации или же это лишь повторение одной и той же ситуации»⁹. Во втором случае «потребность повторения» предполагает использование итератива.

Рассмотрим с этих позиций рассказ А. П. Чехова *Володя большой и Володя маленький*. Современники увидели в этом произведении историю с адюльтером. Критик С. А. Андреевский писал, что *Володя большой и Володя маленький* относится к рассказам, которые «в новых тонких варьянтах затрагивают амурные вопросы»¹⁰.

Заглавие *Володя большой и Володя маленький* как будто на это указывает, равно как и визуализация любовного треугольника в первой сцене: Софью Львовну, которая стоит на быстро несущейся тройке, удерживают сидящие по сторонам муж, Владимир Никитич, и «друг детства», Владимир Михайлыч. Однако это событие слишком незначительно, ничего не меняет в отношениях персонажей и к тому же ослаблено итеративом.

Ритм рассказа определяется чередованием сингулятивных и итеративных фрагментов. «– Пустите меня, я хочу сама править! Я сяду рядом с ямщиком! – говорила громко Софья Львовна. – Ямщик, погоди, я сяду с тобой на козлы»¹¹, – с этого начинается рассказ. Следующий за этим итеративный эпизод подчинен сингулятивной сцене, в соответствии с особой спецификацией в итеративе¹² передавая состояние героини: «И когда в ее душе торжество и любовь к мужу мешались с чувством унижения и оскорбленной гордости, то ею овладевал задор и хотелось тогда сесть на козлы и кричать, подсвистывать...» (т. 8, с. 214) [здесь и далее выделено мною – Н. С.]. Итеративный сегмент, в свою очередь, составляет проекцию на эпизод, оформленный в сингулятиве; последний как бы «заражен» итеративом: «Ею опять овладел тот же задор; она поднялась на ноги и крикнула плачущим голосом:

⁹ В. Шмид, *Нарратология*, Москва: Языки славянской культуры 2003, с. 245.

¹⁰ Цит. по: Е. М. Сахарова, *Примечания*, [в:] А. П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.*, Москва: Наука 1977, т. 8, с. 487.

¹¹ А. П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем...*, с. 214. Далее цитаты из произведений А. П. Чехова даются по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках.

¹² Ж. Женетт, *Повествовательный дискурс...*, с. 154.

– Я хочу к утрене! Ямщик, назад! Я хочу Олю видеть!» (т. 8, с. 218).

Параллельное обозначение одного и того же действия сначала в итеративе, а потом в сингулятиве («овладевал задор» / «овладел задор») ослабляет событийность.

Другой вариант присутствия итеративных пассажей внутри сингулятивных сцен Женетт называет «обобщающими, или внешними итерациями». «В данном случае временная область, охватываемая итеративным сегментом, явно шире, чем временная область, в которую он вставлен: итератив как бы открывает окно во внешнюю длительность повествования»¹³. Таким итеративом передана в рассказе история тети:

Мысли у нее путались, и она вспоминала, как полковник Ягич, ее теперешний муж, когда ей было лет десять, ухаживал за тетей, и все в доме говорили, что он погубил ее, и в самом деле тетя часто выходила к обеду с заплаканными глазами и всё куда-то уезжала, и говорили про нее, что она, бедняжка, не находит себе места (т. 8, с. 215).

Этот итеративный фрагмент соотнесен с двумя переданными сингулятивом эпизодами. После первого свидания Софья Львовна бесцельно ездит по городу на извозчике: «И почему-то при этом вспоминалась ей та самая тетя с заплаканными глазами, которая не находила себе места» (т. 8, с. 225). И на завтра повторяется то же: «А на другой день было свидание, и опять Софья Львовна ездила по городу одна на извозчике и вспоминала про свою тетю» (там же). С точки зрения производимого эффекта безусловное ослабление событийности происходит в эпизоде, выделенном из множества ему подобных. Корреляция переданных сингулятивом и итеративом эпизодов усиливается за счет того, что здесь имеет место одновременное восприятие выражения «Не находить себе места» как устойчивого оборота, идиомы в значении «быть в состоянии крайнего беспокойства, волнения, тревоги»¹⁴; «о состоянии крайнего беспокойства, мучения»¹⁵ и как свободного словосочетания.

Итеративом передан рассказ о победах над женщинами Володи большого и Володи маленького: «Он [Володя большой] был тогда очень красив и имел необычайный успех у женщин, так что его знал весь город, и рассказывали про него, будто он каждый день ездил с визитами

¹³ Там же, с. 145.

¹⁴ *Фразеологический словарь русского языка*, под ред. А. И. Молоткова, Москва: Советская энциклопедия 1968, с. 270.

¹⁵ *Словарь современного русского литературного языка*, Москва, Ленинград: издательство АН СССР 1958, т. 8, стлб. 630.

к своим поклонницам, как доктор к больным» (т. 8, с. 215); «Про него [Володю маленького] недавно кто-то рассказывал, будто бы он, когда был студентом, жил в номерах, поближе к университету, и всякий раз, бывало, как постучишься к нему, слышались его шаги и затем извинение вполголоса: «*Pardon, je ne suis pas seul*» (т. 8, с. 216).

Как пример «точечного итератива» можно привести следующую, переданную сингулятивом ситуацию: «Ягич в третий раз вошел в спальню, нагнулся к жене, перекрестил ее, дал ей поцеловать свою руку (женщины, которые его любили, целовали ему руку, и он привык к этому) и сказал, что вернется к обеду. И вышел» (т. 8, с. 222).

Об осознанности использования итеративных конструкций свидетельствуют случаи замены в окончательной редакции глагола совершенного вида глаголами несовершенного вида, поскольку в русском и славянских языках итератив в норме передается глаголами несовершенного вида, исключая случаи с ярко выраженной экспрессивностью¹⁶.

Так, при первой публикации в «Русских ведомостях» автор пишет о Володе маленьком: «Он тоже имел необыкновенный успех у женщин, чуть ли не с четырнадцати лет, и дамы, которые для него изменили своим мужьям, оправдывались тем, что Володя маленький» (т. 8, с. 399). В сборнике *Повести и рассказы*: «...и дамы, которые для него изменяли своим мужьям...» (т. 8, с. 216). Итеративная замена происходит и в следующем эпизоде, где первоначальный вариант выглядел так:

Заезжая почти каждый день в монастырь, она надоедала Оле, жаловалась ей на свои невыносимые страдания, плакала и при этом чувствовала, что в келью вместе с нею вошло что-то нечистое, жалкое, поношенное, а Оля машинально, тоном заученного урока говорила ей, что все это ничего, все пройдет, и бог простит (т. 8, с. 401).

В окончательной редакции: «...что в келью вместе с нею входило что-то нечистое, жалкое, поношенное...» (т. 8, с. 225).

Наконец, в последней редакции можно найти расположение глагольных форм, которое создает эффект «соскальзывания» сингулятива в итератив внутри одной фразы. В финале рассказа описывается катание на тройке: «А ночью опять катались на тройках и слушали цыган в загородном ресторане. И когда опять проезжали мимо монастыря, Софья Львовна...» Грамматически здесь должно последовать продолжение: «И когда опять проезжали мимо монастыря, Софья Львовна вспомнила про Олю,

¹⁶ Ю. П. Князев, *Выражение повторяемости действия в русском и других славянских языках*, [в:] *Типология итеративных конструкций...*, с. 140.

и ей стало жутко от мысли, что для девушек и женщин ее круга нет другого выхода, как не переставая кататься на тройках и лгать или же идти в монастырь убивать плоть...». Правомерность именно такой конструкции очевидна из контекста, так как дальше дается описание событий третьего дня: «А на другой день было свидание, и опять Софья Львовна ездил по городу одна на извозчике и вспоминала про тетю» (т. 8, с. 225). Использование глаголов несовершенного вида создает путаницу между сингулятивом и итеративом, придает событиям одного дня масштаб бесконечного повторения: «И когда опять проезжали мимо монастыря, Софья Львовна вспоминала про Олю, и ей становилось жутко от мысли, что для девушек и женщин ее круга нет другого выхода, как не переставая кататься на тройках и лгать или же идти в монастырь убивать плоть...» (т. 8, с. 225).

Констатируя ослабление событийности вследствие применения техники итератива, нельзя не задаться еще одним вопросом: чему служит использование итеративного повествования в чеховских рассказах? Передает ли итератив, как в романе Пруста, «возврат часов, дней, времен года, цикличность космического движения»¹⁷, или его назначение – засвидетельствовать «внеперспективное» мировосприятие¹⁸?

Ответить на этот вопрос, очевидно, невозможно, не проанализировав языковые способы выражения множественности описываемых ситуаций. В. С. Храковский предлагает следующую классификацию типов такой множественности по обстоятельствам: а) цикличности; б) интервала; в) узуальности; г) кратности¹⁹.

Обстоятельства цикличности «обозначают регулярно повторяющиеся, хронологически определенные, преимущественно календарные периоды времени: каждую минуту, ежегодно, по субботам»²⁰. Регулярность действий Володи большого и Володи маленького связана с их любовными похождениями, однако это псевдоцикличность, качество цикличности приписывает им молва; референтная и грамматическая множественность здесь могут не совпадать: «...И рассказывали про него [Володю большого], будто он каждый день ездил с визитами к своим поклонницам, как доктор к больным» (т. 8, с. 216). Очевидно, что эти визиты были продиктованы не попыткой гармонизировать ситуацию, но желанием вести себя как подобает светскому человеку. Этикетность ситуаций, как и недостоверность

¹⁷ Ж. Женетт, *Повествовательный дискурс...*, с. 163.

¹⁸ В. Шмид, *Нарратология...*, с. 267.

¹⁹ В. С. Храковский, *Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация*, [в:] *Типология итеративных...*, с. 20.

²⁰ Там же, с. 20.

информации о них, подчеркнута в эпизоде с Володей маленьким: «Про него недавно кто-то рассказывал, будто бы он, когда был студентом, жил в номерах, поближе к университету, и всякий раз, бывало, как постучишься к нему, то слышались за дверью его шаги и затем извинение вполголоса: «*Pardon, je ne suis pas seul*» (т. 8, с. 216).

К этому типу примыкают обстоятельства при итеративе, обозначающие нерегулярно повторяющиеся периоды времени. Такие конструкции используются при описании Маргариты Александровны: «Рита, кухня госпожи Ягич... курившая папиросы без передышки даже на сильном морозе; всегда у нее на груди и на коленях был пепел» (т. 8, с. 216). В характеристике этой барышни-эмансипе повторяемость действий в соединении с их незначительностью выступает синонимом механистичности существования. В свете этого и «мороженые яблоки» выступают не «случайной» деталью. Рита машинально, одну за другой, курит папиросы, машинально («от утра до вечера») поедает мороженые яблоки и так же машинально читает толстые журналы: «Дома она от утра до вечера читала толстые журналы, обсыпая их пеплом, или кушала мороженые яблоки» (т. 8, с. 216). Союз «или» создает синтаксическую эквивалентность, уравнивая эти два действия и перенося признаки одного (поедание яблок) на другое (чтение).

Обстоятельства узуальности «обычно», «обыкновенно», которые обозначают «эмпирически наблюдаемое, регулярное повторение ситуаций»²¹, встречаются в рассказе два раза. Обстоятельство «обыкновенно» присутствует в итеративной вставке и выдает точку зрения героини, Софьи Львовны, на поведение Володи маленького, которое она всякий раз наблюдает, находясь в ресторане в обществе двух мужчин:

Сегодня весь вечер он казался ей вялым, сонным, неинтересным, ничтожным, и его хладнокровие, с каким он обыкновенно уклоняется от платежа по ресторанным счетам, на этот раз возмутило ее, и она едва удержалась, чтобы не сказать ему: «Если вы бедный, то сидите дома». Платил один только полковник (т. 8, с. 215).

Второй раз обстоятельство «обыкновенно» употребляется совместно с «факультативным членом предложения, входящим в [его] сферу действия»²². Выражение «по попыту» указывает на полученное эмпирическим путем знание о том, как разрешаются подобные ситуации:

²¹ Там же, с. 21.

²² Там же.

Полковник знал по опыту, что у таких женщин, как его жена Софья Львовна, вслед за бурною, немножко пьяною веселостью обыкновенно наступает истерический смех и потом плач. Он боялся, что теперь, когда они приедут домой, ему, вместо того чтобы спать, придется возиться с компрессами и каплями (т. 8, с. 214).

Оба эти примера характеризуют повседневную жизнь и далеки от разрешения «вопроса жизни», о чем задумывается главная героиня.

Выделенность Софьи Львовны из системы персонажей подтверждается в грамматическом плане тем, что только по отношению к ней итератив передает «устойчивые (ментальные и эмоциональные) состояния»: «В последние два месяца... ее томила мысль, что она вышла за полковника Ягича по расчету...» (т. 8, с. 214); «...забродили в голове мысли о боге и неизбежной смерти...» (т. 8, с. 221).

В финале, в трех последних абзацах, используются разные повествовательные техники. Первый из них написан сингулятивом, что не исключает неоднократности действий (**2П/2И**). Троекратно употребленное слово «опять» фиксирует обыденность жизненных ситуаций и возвращение к вечным вопросам, которые остаются неразрешимыми:

А ночью опять катались на тройках и слушали цыган в загородном ресторане. И когда опять проезжали мимо монастыря, Софья Львовна вспоминала про Олю. И ей становилось жутко от мысли, что для девушек и женщин ее круга нет другого выхода, как не переставая кататься на тройках и лгать или же идти в монастырь, убивать плоть... А на другой день было свидание, и опять Софья Львовна ездила по городу одна на извозчике и вспоминала про тету (т. 8, с. 225).

Сингулятив в первом предложении предпоследнего абзаца завершает историю с адюльтером («Через неделю Володя маленький бросил ее», т. 8, с. 225), но это не конец рассказа. В сильной позиции – последнем абзаце текста – использован итератив, при этом обстоятельство со значением цикличности «почти каждый день» может быть отнесено к образу жизни и Софьи Львовны, и монахини:

Заезжая почти каждый день в монастырь, она [Софья Львовна] надоедала Оле, жаловалась ей на свои невыносимые страдания, плакала и при этом чувствовала, что в келью вместе с нею входило что-то нечистое, жалкое, поношенное, а Оля машинально, тоном заученного урока говорила ей, что все это ничего, все пройдет и бог простит (т. 8, с. 225).

По-другому взаимодействуют сингулятив и итератив в рассказе А. П. Чехова *Попрыгунья*. О явлении повторяемости эпизодов в этом рассказе писал

А. П. Чудаков. Не используя нарратологические подходы, Чудаков по существу дал описание итеративных сцен в рассказе (он называет их «характеристическими эпизодами»), причем «характеристичность» маркируют слова «часто», «обыкновенно», «всякий раз», «всегда», «ежедневно». Те же слова традиционно выступают знаками итератива. Таких эпизодов, «открыто квалифицированных повествователем в качестве характеристических»²³, исследователь насчитывает в рассказе более трети (по нашим подсчетам, итеративных эпизодов в *Попрыгунье* 14%). Отмечается также несоответствие между разнообразием описываемых эпизодов и «сигналами характеристичности» (знаками итератива).

Чудаков приводит множество примеров подобных несоответствий в рассказе *Попрыгунья*. Вот один из них:

Почти каждый день к ней приходил Рябовский, чтобы посмотреть, какие она сделала успехи по живописи. Когда она показывала ему свою живопись, он засовывал руки глубоко в карманы, крепко сжимал губы, сопел и говорил:

– Так-с... Это облако у вас кричит: оно освещено не по-вечернему. Передний план как-то сжеван, и что-то, понимаете ли, не то... А избушка у вас подавилась чем-то и жалобно пищит... надо бы угол этот потемнее взять. А в общем недурственно... Хвалю (т. 8, с. 12).

К этому и подобным эпизодам дается следующий комментарий: «Рябовский не всякий день говорил про облако и избушку; не за каждым обедом Ольга Ивановна упрекала Дымова в одинаковых выражениях в том, что он отрицает искусство. Михаил Аверьяныч не рассказывал, как маньяк, все одну и ту же историю про жену батальонного командира»²⁴. С позиций интересующей нас проблемы здесь можно говорить о подчиненной роли «сингулятивных вставок» в составе итеративных фрагментов, тогда как в традиционном романе итератив подчинен сингулятиву.

Этот принцип построения используется в *Скучной истории*. Бесконечная повторяемость ситуаций, эпизодов, разговоров создает эффект бесперспективности жизни, а история, рассказанная сингулятивом (поездка главного героя в Харьков), по существу, ничего не меняет.

В рассказе *Человек в футляре* характеристика Беликова дана исключительно в итеративе. Итератив сосредоточен в рамке и выступает в функции, близкой описанию. Три раза употребляется слово «всегда» – знак неограниченной повторяемости в итеративе²⁵:

²³ А. П. Чудаков, *Поэтика Чехова...*, с. 145.

²⁴ Там же, с. 207.

²⁵ Ю. П. Князев, *Выражение повторяемости...*, с. 140.

Он был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате. [...] Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге, и, быть может, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращение к настоящему, он всегда хвалил прошлое и то, чего никогда не было; и древние языки, которые он преподавал, были для него в сущности те же калоши и зонтик, куда он прятался от действительной жизни.

[...]

[...] В разрешении же и позволении скрывался для него всегда элемент сомнительный, что-то недосказанное и смутное (т. 10, с. 43).

Даже абсурд, переданный итеративом, представляется в силу повторяемости обязательным элементом жизни. Таково упоминание «повара Афанасия, старика лет шестидесяти, нетрезвого и полоумного»: «Этот Афанасий стоял обыкновенно у двери, скрестив руки, и всегда бормотал одно и то же с глубоким вздохом:

– Много уж *их* нынче развелось!» (т. 10, с. 45).

В рамочном обрамлении, которое в новелле XX века представляется уже архаической формой, сосредоточены оценки и суждения. История, рассказанная сингулятивом, содержит все признаки новеллистического события. Есть «неслыханное происшествие» (*Kolossalische Skandal*), в наличии парадоксальное сюжетное ядро – «влюбленный антропос». Есть особенный, странный герой, которого немецкие исследователи называют *Kauz, Sonderling*. Присутствует деструктивный финал, который ничего, однако, не меняет в сознании персонажей и течении жизни.

В рассказе *Володя большой и Володя маленький*, напротив, история с адюльтером многократно ослаблена параллельными итеративными фрагментами. В *Попрыгунье* и *Скучной жизни* «сингулятивные элементы» оказываются постоянно встроены в эпизоды, где преобладает итератив. Рассказанная сингулятивом история либо не составляет события, либо не имеет всех признаков события (прозрение Ольги Ивановны, как это показал Чудаков, – мнимое: она понимает только, что в поисках знаменитостей не заметила будущую знаменитость, с которой жила под одной крышей²⁶).

Предварительный вывод может быть таким: в чеховских рассказах важен не только объем итератива в тексте, но и его место в композиции, и характер отношений сингулятива с итеративом.

²⁶ А. П. Чудаков, *Поэтика Чехова...*, с. 215.

References

- Chudakov, Aleksandr P. *Poetika Chekhova*. Moskva: Nauka, 1971.
- Frazeologicheskii slovar russkogo yazyka*, ed. A. I. Molotkova. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1968.
- Genette, Gérard. *Povestvovatelnyi diskurs*. In: *Raboty po poetike. Figury*. Vol. 2. Moskva: izdatelstvo im. Sabashnikovykh, 1998.
- Khrakovskii, Viktor S. *Semanticheskie tipy mnozhestva situatsii i ikh estestvennaya klassifikatsiya*. In: *Tipologiya iterativnykh konstruksii*. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1989: 5–53.
- Knyazev, Yurii P. *Vyrazhenie povtoryaemosti deistviya v russkom i drugikh slavyanskikh yazykakh*. In: *Tipologiya iterativnykh konstruksii*. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1989: 132–145.
- Meletinskii, Eleazar M. *Istoricheskaya poetika novelly*. Moskva: Nauka 1990.
- Sakharova, E. M. *Primechaniya*. In: A. P. Chekhov. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Vol. 8*. Moskva: Nauka 1977: 213–214.
- Schmidt, Wolf. *Narratologiya*. Moskva: Yazyki slavyanskoi kultury, 2003.
- Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Vol. 8, Moskva, Leningrad: izdatelstvo AN SSSR, 1958.